

1

Март выдался очень холодным, что в этих южных краях, на Черноморском побережье, бывает крайне редко. Пронизывающий ветер истязал голые ветки деревьев, пригибал стволы к земле, они трещали, будто вот-вот переломятся. Вот уже два года Алекс регулярно посещал могилу матери, и никакая непогода не была тому помехой. Он торопливо шел по аллее, сжимая в руках, обтянутых лайковыми перчатками, внушительный букет гвоздик. Огромный черный дог, семена рядом на длинных ногах, с тоской поглядывал вокруг. Алекс не разрешал задирать ногу у кустиков и плит, наказывал, поэтому пес не любил это место.

— Алекс! Погоди!

Оба остановились и обернулись на зов. К ним подбежал Каракуль — глава телохранителей Алекса. Прозвали его так из-за курчавых рыжих волос, которые он стриг очень коротко. Каракуль — большой, сильный, с постоянной трехдневной щетиной на широких скулах и подбородке. Некоторые считали его неумным, но он о себе был иного мнения. Впрочем, еще никто не осмелился при нем высказаться по поводу его ума.

— Я все же пойду с тобой, — сказал Каракуль.

Алекс нахмурился. Он слыл человеком суровым, и нехорошо будет, если кто-нибудь увидит скупую мужскую слезу — признак слабости, а она прольется.

— Нет, — отрезал. — Возвращайся в машину и жди там.

Алекс и дог пошли дальше по аллее, а Каракуль некоторое время смотрел им вслед, затем зло сплюнул и двинул к выходу, пробормотав под нос:

— Ну и черт с тобой.

Пройдя еще немного, Алекс свернул. Уверенно огибая могилы, прошел в глубь кладбища, остановился у гранитной плиты с высокой стелой, на которой выделялась фотография матери. Неожиданно пес залаял, став в стойку и готовясь сорваться с места.

— Сидеть! — приказал Алекс.

Дог нехотя подчинился приказу, но продолжал высматривать что-то вдаль. Алекс опустил руку в карман пальто, сжал пистолет и огляделся, но за голыми кустарниками и деревьями ничего опасного не увидел, погладил пса между ушами:

— Кошку заметил? Спокойно, Радж, спокойно.

Он аккуратно положил цветы у основания стелы, уселся на край плиты и остановил взгляд на фотографии. Вот и навернулись слезы. Алексу сорок восемь лет, а здесь он становится ребенком, до сих пор оплакивающим маму. Пес зевнул и улегся у ног хозяина, который достал плоскую бутылку из внутреннего кармана, отвинтил пробку, немного отпил.

— Трудно мне без тебя, — тихо сказал Алекс, смахивая слезу.

Дог заскулил, глядя на него: мол, не пора ли домой, а то холодно, но Алекс оставался неподвижным, думая о матери. Единственная на свете женщина любила его бескорыстно, как и он ее. Посидев минут пять, Алекс поднялся, еще отхлебнул из бутылки, поднял глаза к небу. Оттуда сыпались мелкие и редкие снежинки...

Внезапно Алекс дернулся, глухо охнул, отчего пес мигом приподнялся, непонимающе уставясь на хозяйина. Бутылка с коньяком выпала, цокнула о гранит и разбилась. В холодном воздухе распространился запах коньяка и крови. От боли Алекс сгибался все

6 ниже и ниже, зажимая рану на груди обеими

руками, сквозь которые проступила кровь. Встав коленями на могильную плиту, он с трудом выговорил:

— Радж... взять... Фас! Фас!..

Фас! Пес беспокойно огляделся. Меж памятниками и крестами мелькала фигура человека. Дог сорвался с места и огромными прыжками понесся вдогонку. Убегавший слышал за спиной тяжелое, не предвещавшее ничего хорошего дыхание пса, оглянулся на бегу. Ругнувшись, выстрелил в дога, но не попал. Прибавил скорости, не хуже собаки перескакивая препятствия. По крутому склону, уже за кладбищем, почти летел, сбегая вниз, где на пустыре ждала машина. Но на полпути Радж настиг парня, прыгнул и повалил. Падая, молодой человек заорал с ужасом, закрывая голову руками, в одной из которых сжимал пистолет с глушителем:

— Стреляй! В пса стреляй! А!.. А!..

Дог рвал куртку, яростно рыча. Клыки погрузились в спину, молодой человек взвыл от нестерпимой боли. В этот момент из машины грянул выстрел...

— Слышал? — насторожился в автомобиле Каракуль, обращаясь к охраннику сзади.

Второй телохранитель был ростом много ниже Каракуля и с лицом, которому место на щитах с надписью «Их разыскивает милиция». Он дремал на заднем сиденье и сонно пробормотал:

— Угу. Воронье раскаркалось.

— А ты, Васильич, слышал? — спросил Каракуль пожилого водителя.

— Вроде бахнуло... — пожал тот плечами, разглаживая усы.

— На выстрел похоже, — сказал Каракуль.

— Не, — покачал головой Васильич. — Пацаны шалят, взрывпакет это.

На свидание с мамой Алекс всегда ходил в сентиментальном одиночестве. Это единственное место, где он появлялся без телохранителей,

вызывая каждый раз в Каракуле бурю негодования. О поездке на кладбище никто не знал. Обычно становилось известно, куда направляется Алекс, часа за два. Да и знали лишь те, кто его сопровождал. Поэтому Каракуль, предполагая, что узнать о сегодняшней поездке никто не мог, не помчался на хлопок. К тому же прозвучал он за кладбищем, а не внутри территории, где находился Алекс. Успокоенный, Каракуль, надвинув кепку на нос, погрузился в свои мысли.

...Грянул выстрел, взметнулись в небо с громким карканьем напуганные вороны, а Радж заметался на месте, отпустив жертву и жалобно повизгивая. Пуля попала псу в ляжку. Парень воспользовался беспомощностью дога, вскочил, матерясь, добрался до авто.

— Самвел, быстрее! — подгонял из машины напарник, выстреливший в дога.

Самвелу было невыносимо больно, он повалился на заднее сиденье ничком и застонал. Тем временем опомнившийся разъяренный дог успел настигнуть и вцепиться в ногу клыками. Самвел заорал, переворачиваясь на спину, двинул пса два раза сапогом по морде. Радж уже не заскулил от ударов, а отпрянул, сжимая челюсти. В его пасти остался клочок штанины. Машина рванула с места, подсакивала на кочках, болтая открытой дверцей. Радж попытался догнать, но рана не позволяла свободно ступать, расстояние увеличивалось, дог безнадежно отставал. Высунулась рука с пистолетом. Самвел прицелился, бесшумно выстрелил в пса и снова промазал. Вскоре машина скрылась за рощей, а Радж, ковыляя и сжимая в челюстях окровавленный клоч материи, вернулся к хозяину.

Алекс лежал, свернувшись калачиком и прижимая к груди руки. На плите растеклась красная лужица. Несколько струек сползли в землю, быстро впитывающую кровь, словно воду. Пес положил возле

даром я у тебя мясо ем, но хозяин даже не пошевелился, не открыл глаз. Радж гавкнул пару раз, наклоня голову то на один бок, то на другой и не понимая, почему Алекс не встает. Заскулил. Лизнул лицо. Алекс оставался неподвижным. Запах крови, своей и хозяина, разволновал собаку. В замешательстве дог топтался на месте, рванул было к выходу, туда, откуда они с Алексом пришли, но остановился. Собственная рана кровоточила, жгла. А хозяин лежал без движения на сырой земле, чего раньше никогда не делал, значит, он не способен встать, следовательно, его нельзя бросить.

Радж вернулся, головой повернул Алекса на спину. Тот вытянул ноги, но рук от груди не отнял. Дог взял воротник кожаного пальто в зубы и потащил Алекса к выходу, пятясь задом. Он огибал холмики и плиты, задняя нога едва касалась земли, от боли негромко скулил, но тащил хозяина к людям, теперь помочь могли только они. Иногда останавливался, глядел назад, словно вычисляя расстояние, вновь брал в зубы воротник и волок за собой. Безвольное тело отяжелело, к тому же Алекс — мужчина большой, упитанный. Но и Радж не маленький, его часто шутники награждали прозвищем Лошадь или Слон. Да, он крупный, чему способствовал Алекс, откармливая любимца отборным мясом. Хозяин... он самый лучший, но с ним случилась беда, эта беда пришла от того, кто убежал. Радж запомнил его запах и вкус крови. Тяжело. Радж тащил Алекса уже по центральной аллее кладбища.

Алекс пришел в себя, открыл глаза. Его встретило серое небо, исполосованное ветками деревьев, которые раскачивались от ветра. Он же, ветер, закручивал мелкие и редкие снежинки в воздухе... Воздуха!.. Алекс попытался вдохнуть, но страшная боль пронзила все тело. Он только понял, что его тащит кто-то по земле, уловил над головой частое и тяжелое дыхание, догадался, что это Радж. Алекс даже не слышал этого проклятого выстрела, а лишь ощутил

толчок, разорвавший грудь. О, эта боль... Он успел увидеть совсем еще молодого парня, который после выстрела опустил пистолет и сорвался с места. Выходит, тот парень убил его? Убил! Значит, смерть? Так просто? И так больно? А ему не хотелось умирать! Но пока он еще жив. Алекс с трудом пошевелил губами:

— Радж... Радж...

Пес бросил ворот, обрадованно тьякнул и ждал, что еще скажет хозяин. Алекс молчал, собирал силы, которых оставалось все меньше и меньше. Не дождавшись команды, дог провел шершавым и мокрым языком по лицу Алекса.

— Голос, Радж... голос... — выговорил тот.

— Гав! Гав! — отозвался дог на знакомую команду.

Алекс надеялся, что Раджа услышат телохранители, придут на помощь. Но только ветер отозвался на лай новым завыванием. Собственно, даже если и услышат, подумают, что шеф возвращается, значит, останутся на месте. От земли тянуло холодом, застыла спина, занемели ноги. Видимо, и Радж понял, что на зов никто не придет, потому взял в пасть воротник пальто и поволок беспомощного хозяина к выходу. Алексу оставалось ждать, чувствуя, как из него вместе с кровью вытекает жизнь. Он прикрыл веки.

— Спасибо... Радж... — произнес едва слышно.

Следующий лай раздался у ворот. Телохранители очнулись от спячки, нехотя вышли из машины. Каракуль, завидев Раджа одного, приподнял брови:

— Братва, а где Алекс?

Тем временем пес призывно залаял и скрылся за воротами. Каракуль и второй охранник по кличке Кизил, ленивый и с вечно кислой физиономией, потому и получил такую кличку, поспешили за догом. Алекс лежал метрах в двадцати от ворот посреди аллеи. Его перенесли в автомобиль, и пока суетливо укладывали, Радж убежал на кладбище. Кизил на заднем сиденье уложил корпус шефа на колени, придерживал руками. Каракуль плюхнулся рядом с водителем:

10 — Жми на газ, Васильич!

— Погодите! — остановил их Кизил. — Алекс чего-то базарит... не пойму.

— Радж... Радж... — шептал шеф, теряя сознание.

— Где Радж? — понял Каракуль.

— Был здесь только что, — проговорил Васильич, готовя машину к старту.

— Ладно, жмите в больницу, — приказал Каракуль, вылезая из авто. — Пойду искать пса, а то Алекс нам головы снесет. Гони, Васильич. Я следом за вами приеду. Нашим сообщите...

Машина умчалась на сумасшедшей скорости, а Каракуль, ругая вслух строптивного дога, озирался. Дело в том, что Кизила пес вообще в упор не видит, а с Каракулем кое-как мирится. Поэтому и пришлось начальнику охраны самому остаться из-за собаки, чтобы доставить ее в целостности и сохранности домой. Но вот дог выбежал из ворот кладбища. Не увидев машины и хозяина, завыл, нервно перебирая мощными лапами. Тут только Каракуль заметил, что пес хромот на заднюю ногу, а на ляжке у него рана. Он взял Раджа за ошейник, осмотрел рану:

— Так, и тебе досталось. Ну, узнаю кто — в студень превращу! А это что? Дай! — Каракуль протянул руку к тряпке, торчащей из пасти, и сразу отдернул, так как Радж угрожающе зарычал. — Ну и не надо. Что ж, идем тачку ловить.

Выйдя на проезжую дорогу, остановил такси, но водитель запротестовал:

— Куда с собакой? Пеший чеши... Он еще и в крови! Сиденье загадит!

— Плачу двойной тариф, — сказал Каракуль, пропуская Раджа на заднее сиденье. — Песик смиренный, не боись.

— Он мне башку откусит! — И водитель вжал голову в плечи, ощутив на затылке горячее дыхание «песика».

— Слушай, кончай месить языком, — миролюбиво улыбнулся Каракуль. — Сказал — вези, 11

значит, вези. Получишь тройную таксу. А если я передумаю, повезешь бесплатно, понял?

И в доказательство приоткрыл куртку. Ремни, переплетавшие плечи, дали понять таксисту, что пассажир — мужик серьезный. На ремнях держится кобура, а в ней, как известно даже школьнику, ствол. Матерясь про себя, таксист повез братка и его зверя по указанному адресу.

Сидевший за рулем Дудин, мужчина лет тридцати пяти, коренастый и крепкий, с непримечательным лицом, которое закрывала густая короткая борода, оглянулся:

— Что с Алексом? Самвел, слышишь?

— Да... — выдавил тот, корчась на боку от боли. — Хана ему... Не могу, больно...

— Терпи, дорогой, ты мужчина. Лежи тихо, не высовывайся.

Нагло проезжая мимо отделения милиции, не мог не заметить там суету. В машины прыгали легавые, значит, им уже стало известно об убийстве Алекса. Благополучно миновав центр, вскоре приехал на место — к добротному дому из красного кирпича, обнесенному высоким деревянным забором. Не заглушая мотора, вышел, не торопясь открыл ворота, приветливо кивнул соседке, проходившей мимо, и вернулся в машину. Подкатил почти к порогу флигеля и повернулся к Самвелу:

— Давай-ка пулей лети во флигель, пока соседей в окнах не видно. Ствол спрячь.

Самвел, охая, выбрался из машины и, волоча ногу, вбежал в домик. Сразу повалился на кровать с панцирной сеткой, заскрежетавшей под его тяжестью. Видок у него был, прямо сказать, тот еще. Бледный, с посинелыми губами, по лицу катился пот, руки тряслись. Дудин помог снять изодранную куртку, затем рубашку, взглянув на спину, присвистнул. Под

12 правой лопаткой рваная рана, ошметки мяса

кровоточили. Левая нога представляла собой не лучшее зрелище, икру будто ровненько разрезали сзади двумя ножевыми ударами. Самое паршивое — без хирурга не обойтись, требовалось зашить раны. Но Дудин не кинулся к телефону вызывать врача и, естественно, не повез Самвела в травматологию. В доме нашел аптечку, принялся оказывать посильную помощь, протирая раны перекисью водорода, смазывая вокруг йодом и сосредоточенно думая, что делать. Самвел рычал от боли и грыз зубами подушку, но сообразил:

— Укол надо против столбняка...

— Надо, — согласился Дудин, продолжая скрупулезно обрабатывать раны. — Постараюсь добыть. Все путем сделаем. Но сами. А в больницу нам нельзя. Чего ты пса не пристрелил?

— Попробуй попади в него...— огрызнулся Самвел, молодой человек лет двадцати пяти, приятной наружности, говорящий с небольшим кавказским акцентом. — Я стрелял... Он как маятник... У, гад, убью собаку, клянусь.

Переязав Самвела, Дудин налил в стакан коньяка пополам с красным вином — смесь, восстанавливающая силы и действующая как анестезия, протянул напарнику:

— Пей. Уснешь, а я поеду доложу и, возможно, привезу врача.

— Привези, я подыхать не хочу.

2

Созвонившись с Кизилом, Каракуль узнал, что больница поднята на уши.

— «Наши» прибыли, охраняют входы и выходы, посетителей проведать больных не пускают — перебьются куда. Алекс в операционной, сам Хачатур Каренович приехал.

— Понял, — сказал Каракуль. — Давай тащи сюда тоже хирурга, Радж ранен.

— Так вызвали всех, какие есть в городе. Все в операционной с Алексом.

— Ничего не знаю, бери, где хочешь, хирурга. Пулю надо вынуть, иначе Алекс... сам знаешь, что с нами сделает, понял?

— Если выживет, — угрюмо буркнул Кизил.

— К Хачику обратись, он найдет врача. Давай не тяни.

Абсолютно все были в курсе искренней привязанности Алекса к догу, поэтому просьба найти для него хирурга не удивила Хачатура Кареновича. Через час Кизил с Васильичем привезли врача, которого ввели в спальню Алекса, где на ковре в углу лежал пес, зализывающий рану. Радж предупредительно зарычал. Врач, сухощавый и пожилой человек в очках, попятился, недоуменно вымолвил:

— А... где пациент?

— Так вот он, — кивнул на пса Каракуль, улыбаясь. У него довольно приятная, простецкая и дружелюбная улыбка. Надевает ее при каждом удобном случае, чтобы расположить к себе людей, которые при первом знакомстве обычно сторонятся Каракуля.

— Но это же собака! — пролепетал хирург, отступая спиной к двери. — Я людей, извините... Вам нужен ветеринар.

— Ты че, учить меня будешь, кто нам нужен? — хмыкнул Каракуль, перегородив собой дверной проем. — Короче, за нашего песика ты получишь бабок столько, сколько загребашь за год в своем лазарете, понял? А если будешь базарить, а не делом заниматься, я тебе глаза на затылок натяну, понял?

И Каракуль покосился с довольным видом на Кизила: мол, как шутка? Тот одобрительно заржал. Врач нахмурился и опасно посмотрел на собаку.

«Песик», в свою очередь, внимательно изучал

14 чужака, вывалив язык величиной с лопату, а

головка «песика» была с голову теленка... нет, пожалуй, больше. Из пасти торчали клыки, можно сказать, драконьи, а не собачьи. И вдруг Радж громогласно гавкнул, возмущившись бесцеремонным разглядыванием. Хирург, вздрогнув всем телом, сразу решился на возражения:

— Ребята, что хотите делайте, но без ветеринара не обойдемся. Я даже не знаю, какой наркоз дают животным. Сами посмотрите, он же меня не подпустит, разорвет.

— Верно, — дошло наконец до Каракуля. — Кизил, тащи ветеринара.

Кизил протискивался в узком дворике между старухами с кошками, детьми с крысами, дамочками с собаками. Все ждали своей очереди, видимо, ждали долго, потому разволновались, когда детина с рожей висельника беспардонно подошел к заветной двери:

— Вы куда? На прием? Очередь займите!

— Ша! — гаркнул Кизил, поморщившись и подняв руки вверх.

Оттолкнув пацана с щенком в руках, вошел в домик, похожий на сарай. Завидев неказистую девушку в белом халате, ткнул ей пальцем в грудь:

— Ты ветеринар?

— Я медсестра, — убрала она его руку.

— Что вам, молодой человек? — строго спросила тетенька в очках, писавшая что-то за столом. — Ветеринар я.

— Тогда собирайся. Собачку надо полечить.

— У меня прием... — возразила тетенька еще строже.

— А у меня времени нету, — сказал Кизил, сложил руки на груди и свирепо посмотрел на тетеньку, дескать, я против тебя ничего не имею, но... сама понимаешь.

Она, конечно, поняла. Покидала в кофр инструменты, какие-то ампулы, мази в склянках, попутно поинтересовавшись, что с собачкой. Людям во дворе объявила: